

ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ: НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ И ОБЗОРЫ

УДК 34.096

В. В. Петров

БЕРИЯ ПРОТИВ ПЕНСИОНЕРКИ БАТУРИНОЙ: КОММЕНТАРИЙ К «ДЕЛУ БЕРИИ И БЕРИЕВЦЕВ»

Цель статьи — анализ одного из фрагментов приговора по уголовному делу, известному в истории как «дело Берии и бериевцев». Проведен подробный анализ той части приговора, которая связана с именами М. Кедрова, И. Кедрова, В. Голубева и пенсионерки А. Батуриной. Автор обращает внимание на то, что отдельные положения указанного приговора входят в противоречие со сведениями, которые сообщали лица, знающие фактические обстоятельства, связанные с арестом В. Голубева, И. Кедрова, А. Батуриной. В статье критически оцениваются мотивы, которыми, по версии предварительного следствия, руководствовался Л. П. Берия, осуществляя расправу над отцом и сыном Кедровыми, Голубевым, Батуриной. Исходя из того что в некоторых литературных источниках имеются сведения об убийстве Берии при его аресте 26 июня 1953 г., автор ставит вопрос о подлинности протоколов его допросов на предварительном следствии. В статье обращается внимание на «одного из руководителей партии и государства», личность которого предварительное следствие не смогло установить. Библиогр. 7 назв.

Ключевые слова: дело Берии и бериевцев, мотивы Л. П. Берии, подлинность протоколов допросов Л. П. Берии.

V. V. Petrov

BERIA AGAINST THE PENSIONER BATURINA: COMMENTARY TO THE “CASE OF BERIYA AND BERIYA ASSOCIATES”

The purpose of this paper is analysis of a fragment of the criminal sentence known in the case history as the “Case of Beriya and Beriya Associates”. The author has conducted detailed analysis of the part of the sentence related to the names of M. Kedrov, I. Kedrov, V. Golubev and the pensioner A. Baturina. The author of the paper draws readers’ attention to the fact that some provisions of the sentence contradict the information reported by the people who knew the factual circumstances connected with the arrest of V. Golubev, I. Kedrov, A. Baturina. The paper throws doubt upon the motives which, ac-

---

Петров Вадим Вадимович — кандидат медицинских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; crim_pro@jurfak.spb.ru

Petrov Vadim V. — PhD, Associate Professor, Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; crim_pro@jurfak.spb.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

ording to the preliminary investigation, L. P. Beriya was actuated by when dispatching Kedrov father and son, Golubev, and Baturina.

Proceeding from the fact that some literacy sources contain information about the murder of Beriya during his arrest on June 26, 1953, the author challenges the authenticity of the transcripts of his interrogation during the preliminary investigation. The author of the paper draws attention to "one of the leaders of the party and the state" whose personality was not established by the preliminary investigation". Analyzing the information given in the paper the author challenges the authenticity of the transcripts of the interrogation of Beria that have been published so far. Refs 7.

Keywords: the case of Case of Beriya and Beriya Associates, the motives of L. P. Beriya, the authenticity of the protocols of interrogations of L. P. Beriya.

В истории нашей страны существует уголовное дело, широко известное как «дело Берии», или «дело Берии и бериевцев». По этому делу в декабре 1953 г., согласно газетным сообщениям того времени, были приговорены к расстрелу следующие высокопоставленные лица: Л. П. Берия (член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр внутренних дел СССР, Председатель Спецкомитета), В. Н. Меркулов (министр государственного контроля СССР), В. Г. Деканозов (министр внутренних дел Грузинской ССР), Б. З. Кобулов (первый заместитель министра внутренних дел СССР), С. А. Гоглидзе (начальник Третьего управления МВД СССР), Л. Е. Влодзимирский (начальник следственной части по особо важным делам МВД СССР), П. Я. Мешик (министр внутренних дел Украинской ССР). Должности всех перечисленных лиц приводятся на момент начала расследования уголовного дела в конце июня 1953 г.

При изучении так называемого «дела Берии» можно увидеть, что у него довольно много сторон, которые носят весьма разнообразный характер. И действительно, содержание предъявленных Л. П. Берии обвинений колеблется от измены Родине и убийств до изнасилований и «преступно морального разложения». Проанализировать все стороны «дела Берии» в рамках одной статьи не представляется возможным из-за большого объема темы, поэтому мы рассмотрим лишь один из аспектов указанного дела, который можно условно обозначить как «кровавый Берия против Кедрова, Голубева и пенсионерки Батуриной».

Сначала ознакомим читателей с тем, как этот аспект отражен в приговоре: «Установлено, что подсудимые Берия, Меркулов, Деканозов, Кобулов, Мешик и Влодзимирский учинили террористическую расправу с сотрудниками НКВД И. Кедровым, В. Голубевым и пенсионеркой А. Батуриной за то, что последние решили разоблачить Берия, о чем стало известно заговорщикам» [1, с. 352].

До вынесения приговора Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко после 20 ноября 1953 г. внес изменения в обвинительное заключение по «делу Берии и сообщников» (№ 0029-53). Руденко написал, в частности, следующее: «Берия совершил в этот период ряд тяжких государственных преступлений, в том числе террористические убийства лиц, со стороны которых опасался разоблачений. Так, Берия и его соучастниками был умерщвлен М. С. Кедров — член коммунистической партии с 1902 г., бывший член Президиума ВЧК (Всероссийской чрезвычайной комиссии. — В. П.) и коллегии ОГПУ (Объединенного государственного политического управления. — В. П.) при Ф. Э. Дзержинском. Заговорщики имели основания подозревать Кедрова в том, что он располагает материалами о преступном прошлом Берия. Установлены также и другие факты террористических убийств, совершен-

ных заговорщиками с преступной целью истребления честных, преданных делу коммунистической партии и советской власти кадров» [2, с. 516]. В последней части текста под «другими фактами террористических убийств» имеются в виду, хотя прямо и не называются, как раз И. Кедров, В. Голубев и А. Батурина.

Для непредвзятых исследователей уже достаточно давно совершенно ясно: дело по обвинению Л. П. Берии можно обозначить современным термином «казачное», что отражено в широко известных работах. Так, Н. Рубин писал: «На всех следственных материалах по “делу Берии” лежит явная печать верховного указания: как можно старательнее вывалить в грязи поверженного соперника» [3, с. 275].

А. В. Сухомлинов объясняет, почему, по его мнению, начались преследования трех указанных выше людей со стороны Берии: «Причиной ареста сотрудников НКВД Голубева и Игоря Кедрова (на самом деле к моменту ареста уже бывших сотрудников, что увидим далее. — В. П.), а также пенсионерки Батуриной, к чему был причастен Деканозов, явилось то, что Голубев и Кедров хотели обратиться с жалобой на Берия, а литературные, так сказать, консультации для своих жалоб они получали у Батуриной. Было оглашено агентурное дело Батуриной. За ней велась слежка, и было организовано прослушивание телефона. Деканозов уточнил еще одну деталь. У него *имелись данные о том, что Батурина делает аборт* (выделено мной. — В. П.). Кроме того, по словам Деканозова, ее посещал один из руководителей партии и государства. Кто именно и с какой целью, не выяснено» [1, с. 303–304].

Указанный автор исходил из данных, полученных при допросах обвиняемых по делу Берии в 1953 г. Заметим, что весьма странно выглядят сотрудники соответствующих подразделений Народного комиссариата внутренних дел (далее — НКВД), которые в 1939 г. смогли узнать, что «пенсионерку Батурину» посещает не какой-нибудь рабочий, учитель или инженер, а очень высокопоставленный чиновник. Но четко обозначив посетителя как «одного из руководителей партии и государства», которые всегда были наперечет, установить фамилию этого «руководителя» и «целей посещения» им Батуриной чекисты по каким-то таинственным причинам якобы не смогли.

Согласно той части приговора, в которой описывается эпизод с И. Кедровым, Голубевым и Батуриной, НКВД СССР бросил огромную мощь в лице наркома Берии и пяти его высокопоставленных подчиненных на борьбу с террористическими целями, т. е. с двумя молодыми экс-чекистами, которые не могли толком даже написать жалобу на свое начальство без помощи содержательницы подпольного абортария, исполнявшей у них функции литературного редактора. Тем самым, согласно приговору, Берия и его сообщники причинили страшный вред советской власти своей «террористической расправой» с группой особо ценных для государства субъектов в составе двух непомерно амбициозных экс-чекистов и престарелой абортмахерши. Интересно также, кем был почему-то так и не установленный следствием «один из руководителей партии и государства», который посещал квартиру «пенсионерки Батуриной». Каковы были его цели? Кроме того, термин «террористическая расправа» в уголовном праве 1938–1953 гг. отсутствовал. Существовал и широко использовался в праве термин «террористический акт». Но происшедшее с И. Кедровым, В. Голубевым и «пенсионеркой Батуриной» никак не могло быть описано такими словами. Поэтому Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко и его подчиненные изобрели оригинальный термин «террористическая расправа».

Страшное слово «терроризм» присутствует, а официальный правовой термин «террористический акт» отсутствует. Несведущим читателям, когда они читают слова «террористическая расправа», становится страшно, а закон вроде бы не нарушен. Впоследствии теория и практика отечественной юриспруденции термином «террористическая расправа» не пользовались.

Некоторые сведения по интересующему нас вопросу можно почерпнуть, в частности, из письма, которое родной брат Игоря Кедрова, Бонифатий Михайлович Кедров, направил 21 декабря 1953 г. на имя Председателя Совета Министров СССР Г. М. Маленкова: «В феврале 1939 г. мой брат Игорь Михайлович Кедров и его товарищ Владимир Голубев написали в ЦК (Центральный комитет. — *В. П.*) партии (на имя И. В. Сталина) и в КПК (Комитет партийного контроля. — *В. П.*) (на имя т. Шкирятова) заявление с разоблачением вражеской деятельности Берия на посту наркома внутренних дел (т. е. заявлений было то ли одно, то ли два. — *В. П.*). Речь шла о нашей закордонной разведке (главным образом в Германии) и нашей контрразведке. Я сам заявления не читал, но знаю об этом со слов жены брата — Р. Ф. Мелиховой и отчасти моей матери — О. А. Кедровой (ныне покойной)» [2, с. 559]. На самом деле Р. Ф. Мелихова толком ничего не знала, что следует из ее показаний, которые будут приведены далее. Сам же Б. М. Кедров от расстрела родного брата практически никак не пострадал. Максимальные неудобства для него вплоть до начала Великой Отечественной войны были, по описанию Бонифатия Михайловича, следующими: «Когда в мае 1941 г. в газете “Правда” была напечатана моя рецензия на английское издание “Диалектика природы” Энгельса, Ярославский (один из членов редколлегии “Правды”) вызвал к себе Ф. В. Константинова (завотделом критики и библиографии “Правды”) и стал его ругать за то, что он пропустил статью такого автора, как я. Ф. В. Константинов, бледный и расстроенный, на другой день приехал в Институт философии, где я тогда работал, и рассказал мне об этом. “Мне попало за Вашу статью, и мне рассказали, что у Вас есть что-то неладное в биографии”. Я спросил: “От кого попало?” Он ответил: “От одного члена редколлегии”. Я сказал: “От Ярославского?” Он подтвердил» [2, с. 559]. Вот и все «серьезные неприятности», которые с ним произошли. И расстрел в 1941 г. его отца, М. С. Кедрова, на дальнейшей судьбе Бонифатия Михайловича также серьезно не отразился. Как при жизни И. В. Сталина, так и после его смерти судьба Б. М. Кедрова складывалась вполне благополучно. Это подтверждают общедоступные материалы справочного характера. Широко известны сведения, относящиеся к 1973 г.: «В 1935–1941 на парт., затем на науч. работе. В 1941–1945 — в Сов. Армии. В 1945–49 и 1958–62 — в Ин-те философии АН СССР. Гл. ред. журн. “Вопросы философии” (1947–49). В 1949–52 — в БСЭ, в 1946–58 и с 1971 проф. Академии обществ. наук при ЦК КПСС... Соч.: О количественных и качественных изменениях в природе, [М.], 1946; Атомистика Дальтона, М.; Л., 1949...» [4, с. 14–15]. Можно также привести сведения, опубликованные о Б. М. Кедрове уже в 2008 г.: «Участник Вел. Отеч. войны. В 1939–41, 1945–49 и 1958–62 сотрудник Ин-та философии АН СССР. Докторская дис. “Атомистика Дальтона и ее философское значение” (1946). Проф. Академии обществ. наук при ЦК КПСС (1946–58 и 1971–78)... Инициатор создания ж. “Вопросы философии” (гл. ред. в 1947–1949)... Соч.: Энгельс и естествознание. М., 1947...» [5, с. 502–503]. Скончался Б. М. Кедров в 1985 г.; к этому времени он был академиком Академии наук СССР и считался главным авторитетом в области философских вопросов научной деятельности.

Вновь предоставим слово Бонифатию Михайловичу:

«После ареста брата и Голубева мой отец — Михаил Сергеевич Кедров был по этому делу у тогдашнего генерального прокурора СССР А. Я. Вышинского. Это было примерно в начале апреля 1939 г. ...После этого в самый день ареста отца, 16 апреля 1939 г., я был у отца на квартире, и он мне рассказал следующее: “Несколько дней тому назад я был у Вышинского. Я сказал ему шепотом, что «на самом верху» у нас сидят люди, которые являются врагами народа. Он попросил пояснить, и я ему сказал, что в правительстве. Он спросил: «Кто же это?» Я ему ответил: «Не могу сказать, ибо и у стен есть уши». Затем я взял клочок бумаги и написал: «Берия». Показав Вышинскому, я тут же разорвал эту записочку на мелкие клочки и положил в пепельницу, стоявшую на столе Вышинского. Потом на другом листке я написал: «Меркулов» и тоже разорвал и положил туда же. Все это говорилось шепотом и делалось очень тихо”.

Так рассказал мне отец о своем разговоре с Вышинским. На мой вопрос: “Что же ответил Вышинский?”, отец сказал: “Ничего. Только после этого он на меня смотрит очень странно, почти дико, когда я с ним встречаюсь в кремлевской столовой. Но я и вида не показываю, что между нами что-то произошло” (т. е. имел место такого рода разговор).

Кстати, Меркулова отец назвал, как мне кажется, только потому, что он был замом Берия и подписал ордер на арест Игоря Кедрова, о чем отцу сказала жена брата — Р. Ф. Мелихова (выделено мной. — В. П.)» [2, с. 559–560].

Из последних слов следует, что никаких убедительных данных о «вражеской деятельности» Меркулова у М. С. Кедрова не было, а, очевидно, имелось лишь вполне понятное желание отомстить за арест сына. Возможно, что этим же соображением объясняется и утверждение М. С. Кедрова про Берия как «врага народа».

Из написанного далее Бонифатием Михайловичем следует, что с делами М. С. Кедрова и Кедрова — Голубева — Батуриной имелись какие-то серьезные странности, причем не в конце 1930-х гг., а уже во второй половине 1953 г.:

«Как только 8 июля 1953 г. я узнал об аресте Берия, я сейчас же написал обо всем, что мне было известно, тов. Шаталину, секретарю ЦК КПСС. Заявление мое было передано 9 июля с. г. и переслано в Прокуратуру СССР. Из разговоров в Прокуратуре СССР (с тов. Смирновым, помощником т. Руденко) я узнал, что до получения моего заявления никто перед ними не ставил вопроса о деле Кедровых — отца и сына, — ни Вышинский, который хорошо знал историю этого дела, ни Шкирятов, который был даже знаком с содержанием адресованного на его имя письма И. М. Кедрова и В. Голубева, т. е. их заявления с разоблачением Берия. Я узнал также, что и на июльском пленуме ЦК КПСС (уже после ареста Берия) никто ни словом не обмолвился об этом деле. Кстати, очень хорошо знал это дело товарищ В. М. Молотов, поддерживавший (как мне говорила жена брата — Мелихова, а также и мой отец) инициативу разоблачения Берия.

В первых числах сентября я был вызван в Прокуратуру СССР к т. Смирнову, который просил меня переписать заявление в ЦК КПСС от 9 июля с. г. так, чтобы не упоминать имен Вышинского, Шкирятова, Ярославского, что я и сделал. На мой вопрос: нельзя ли поискать заявления И. М. Кедрова и В. Голубева в КПК или хотя бы спросить об этом у Шкирятова, т. Смирнов мне сказал, что это выходит за пределы его компетенции. То же произошло, когда Р. Ф. Мелихова (жена брата) указала на

Князеву, передавшую заявление Шкирятову в его собственные руки. Тов. Смирнов сказал, что через КПК узнавать, где сейчас Князева, куда она перешла на работу и т. д., ему неудобно. В итоге, судя по обвинительному заключению, Князева не была вызвана для показаний в Прокуратуру СССР по этому делу.

Мне очень странно то, что люди, знающие очень много (гораздо больше меня) по этому делу, почему-то молчат. Это относится в первую очередь к Шкирятову и Вышинскому. Я не знаю, почему это происходит, но самый факт их молчания мне кажется странным и непонятным. А то, что они молчат, я вижу из обвинительного заключения по делу Берия, в котором отсутствуют какие-либо более точные сведения, которые были известны и Шкирятову (из заявления, полученного им от И. М. Кедрова и В. Голубева, которое не обнаружено в их деле, вернее изъято из этого дела), и Вышинскому, с которым отец подробно говорил накануне своего ареста, рассказав много важных сведений, говорящих о предательстве Берия (выделено мной. — В. П.)» [2, с. 561].

На выделенной части цитаты целесообразно остановиться подробнее. Здесь Б. М. Кедров противоречит сообщенному в своем письме чуть раньше. Мог ли он считать написанные его отцом на двух клочках бумаги слова «Берия» и «Меркулов» подробным разговором с Вышинским? Неужели подробным разговором о предательстве Берии можно считать слова: «...“на самом верху” у нас сидят люди, которые являются врагами народа...»? Или важными сведениями является фраза: «Не могу сказать, ибо и у стен есть уши»? После своего визита к Генпрокурору М. С. Кедров в дальнейшем явно не мог ни о чем говорить с Вышинским, потому что, как было сказано в цитированном выше письме, Вышинский при встречах глядел на М. С. Кедрова «очень странно, почти дико». А сам Кедров при этом «и вида не показывал», что между ним и Вышинским «что-то произошло». Поэтому слова уважаемого Бонифатия Михайловича о том, что его отец рассказал Вышинскому «много важных сведений, говорящих о предательстве Берия», следует считать либо заблуждением, либо не очень ловкой попыткой воздействия на Г. М. Маленкова.

В связи с делом Берии фамилии Кедровых, Голубева и Батуриной упоминались органами следствия и далее. Так, в проекте обвинительного заключения по делу Е. М. Либенсона, датированном концом марта 1955 г., написано, в частности, следующее:

«Особое значение придавалось заговорщиками (Л. П. Берией и другими обвиняемыми по его делу. — В. П.) фальсификации следственных материалов против члена коммунистической партии с 1902 г., члена Президиума ВЧК и Коллегии ОГПУ при Ф. Э. Дзержинском — Кедрова М. С. Установлено, что Кедров длительное время хранил у себя копии документов, писем и донесений из г. Баку периода 1921 г., содержавших в себе данные о вражеской работе Берия и адресованных Ф. Э. Дзержинскому» [2, с. 819].

Отсюда следует, что подлинники «документов, писем и донесений из г. Баку» давным-давно были у Дзержинского, по крайней мере еще задолго до смерти последнего в 1926 г. А у М. С. Кедрова если и были, то только копии, неизвестно кем, когда и каким образом сделанные. Следовательно, угроза для Берии, даже если компрометирующие его документы и существовали, исходила совершенно не от М. С. Кедрова, а, прежде всего, от тех преемников Дзержинского, у которых имелись именно подлинники этих документов. Так какую же угрозу мог представлять

для Берии обладатель копий давным-давно известных Дзержинскому и Сталину материалов, оригиналы которых находились неизвестно у кого, но явно у весьма высокопоставленного лица? Составители проекта обвинительного заключения об этом умолчали. Но продолжим цитирование документа, касающегося Е. М. Либенсона:

«Это обстоятельство стало известно заговорщикам и явилось причиной яростного преследования, воздвигнутого (так в книге. — *В. П.*) против М. С. Кедрова, членов его семьи и близких ему людей.

Младший сын М. С. Кедрова, Игорь Кедров, являлся сотрудником НКВД СССР и работал по линии разведки против гитлеровской Германии. В процессе работы ему и его товарищу — Голубеву В. П., работавшему в контрразведке, стали известны факты изменнических действий Берия в области подрыва советской разведки за границей. Одновременно через отца Игорь Кедров узнал и о наличии архивных документов 1921 г., свидетельствовавших о вражеской деятельности Берия против Советского государства. В связи с этим Кедров Игорь и Голубев Владимир написали заявление, в котором разоблачили Берия как врага народа. Заявление это было перехвачено Берия, и 20 февраля 1939 г. он приказал Мешкику арестовать И. Кедрова и В. Голубева; 9 марта была арестована приемная мать Голубева — персональная пенсионерка, член коммунистической партии с 1918 г. — Батурина Антонина Васильевна. Единственным основанием для ареста Батуриной, больной женщины, несколько лет прикованной к постели, было то, что она посоветовала И. Кедрову и В. Голубеву (так в книге. — *В. П.*) обратиться с заявлением в ЦК ВКП(б), что Батурина была полностью осведомлена о содержании компрометирующих Берия материалов и помогала Голубеву и И. Кедрову формулировать заявление...

Путем шантажа, избиений и пыток Либенсон вынудил Кедрова и Голубева к даче ложных показаний о том, что разоблачающее Берия заявление было написано ими якобы по заданию германской разведки с целью скомпрометировать Берия.

Только после разоблачения врага народа Берия в его личных архивах было обнаружено заявление Кедрова и Голубева в ЦК ВКП(б), из которого явствует, что приводимые ими в заявлении факты изобличают Берия как шпиона иностранной разведки и врага народа...» [2, с. 819–820].

Так где же это заявление Кедрова и Голубева? Почему оно широко не цитировалось? Ведь если в этом заявлении содержатся убийственные для Берии факты, то они будут весьма ценным подарком для Руденко. И если бы у И. М. Кедрова и В. П. Голубева действительно имелись несомненные «факты изменнических действий Берия в области подрыва советской разведки за границей», то Руденко должен был ухватиться за такие факты. Исходя же из того, что совместное заявление И. Кедрова и В. Голубева нигде в ходе следствия не проявлялось, можно как раз предполагать, что в нем никаких особенных «фактов изменнических действий Берия» не было, а если что-то и было, то в основном непроверенные слухи и результаты совместных фантазий И. Кедрова, В. Голубева и «пенсионерки Батуриной». Также у Генпрокурора Руденко и подчиненных ему следователей обязательно должен был возникнуть вопрос о том, где же находятся «собственноручные показания Кедрова», изъятые «из оперативных сообщений». Ведь они тоже должны были быть крайне полезными для следствия по делу Берии. Зададим еще один попутный вопрос, несколько выходящий за пределы темы: каким образом

Батурина, «больная женщина, несколько лет прикованная к постели», могла эффективно производить подпольные аборты? Кстати, никаких фактов «преследований» Б. М. Кедрова как члена семьи арестованных И. М. и М. С. Кедровых со стороны Берии за период с 1939 по 1953 г. следствие под руководством Руденко не обнаружило.

Если верить документам, то Л. П. Берия на допросе 31 июля 1953 г. у Генерального прокурора СССР Руденко дал следующие показания:

«ВОПРОС: На допросе 20 июля с. г. вы показали, что не помните, кто вел следствие по делам Кедровых, Голубева, Батуриной. Вы и сейчас это подтверждаете?

ОТВЕТ: Да, подтверждаю, не помню.

ВОПРОС: Разве вы сами не принимали участие в допросах по этим делам? Вы лично допрашивали Голубева?

ОТВЕТ: Припоминаю, что я допрашивал не то Голубева, не то Кедрова И. М., не то обоих, но не один.

ВОПРОС: Вам оглашается выдержка из показаний Голубева на суде, где он заявил, что *виновным себя признает только в том, что написал клеветническое заявление на вас* (выделено мной. — В. П.)» [2, с. 195].

Отсюда следует, что все «факты», которыми якобы располагали И. Кедров и В. Голубев и которые «литературно обработала» Батурина, являются обычной клеветой. Возникает достаточно любопытная ситуация: написать клеветническое заявление на своего начальника под диктовку представителя немецкой разведки — это преступление, а написать то же самое клеветническое заявление, но по собственному разумению либо в результате коллективного творчества в компании с Голубевым и «старушкой Батуриной», по мнению Руденко и его подчиненных, — уже геройство, достойное всяческого уважения.

В другом документе, названном копией протокола допроса Л. П. Берии от 22 августа 1953 г., зафиксированы сведения, касающиеся интересующего нас эпизода:

«ВОПРОС: Кто руководил следствием по делу Кедрова Игоря, Владимира Голубева и Батуриной?

ОТВЕТ: Не помню сейчас.

ВОПРОС: Вам предъявляется дело по обвинению Голубева В. П., из которого усматривается, что следствием по делу руководил Мешик, а обвинительное заключение составлено Левенсоном и Шварцманом, а утверждено Кобуловым Б.

ОТВЕТ: Подтверждаю.

ВОПРОС: Кто руководил следствием по делу М. Кедрова?

ОТВЕТ: Не знаю.

ВОПРОС: Следствием руководил по делу Кедрова М. Мешик?

ОТВЕТ: Возможно, не отрицаю.

ВОПРОС: Признайтесь, что вы являлись, таким образом, организатором группы заговорщиков, совершавших тяжчайшие преступления, в том числе и террористические убийства, во имя ваших преступных контрреволюционных целей.

ОТВЕТ: Не признаю этого.

ВОПРОС: Признаете, что вашим контрреволюционным замыслом был захват власти и установление контрреволюционной диктатуры и что с этой целью вы проводили вредительские мероприятия?

ОТВЕТ: Отрицаю все это» [2, с. 312].

Таким образом, из небольших эпизодов с М. Кедровым, И. Кедровым, В. Голубевым и «пенсионеркой Батуриной» выводятся глобальные последствия. Тут и «террористические убийства», и «контрреволюционные цели», и «контрреволюционный замысел», и, как венец всей деятельности, «установление контрреволюционной диктатуры» в стране. Однако остается непонятым, каким образом расправа над четырьмя людьми в далеком 1939 г. могла обеспечить, по версии следствия, «установление контрреволюционной диктатуры» или еще тогда, или уже в 1953 г. Здесь целесообразно вспомнить об утверждениях некоторых авторов, согласно которым Л. П. Берия был убит при аресте 26 июня 1953 г. [6, с. 392, 395]. Поэтому нельзя исключить, что данный протокол на самом деле является фальсификацией, как, впрочем, и все остальные протоколы допросов Берии, опубликованные к настоящему времени. Имеются и другие сведения о ликвидации Л. П. Берии до следствия и суда над ним. Так, некто И. В. Белый, в своей книге рекомендуя себя как «доктор философии и исторических наук», приводит следующие обстоятельства гибели Берии, которую относит к 27 июня 1953 г.:

«Александра Васильевича и меня пригласил к себе Жуков (маршал Советского Союза. — В. П.) 27-го числа на 10:00, в день заседания Политбюро. Мы доложили, что все и всё готовы. От Жукова Александр Васильевич отправился в НКВД (автор явно упустил, что НКВД был переименован еще в марте 1946 г. — В. П.), я поехал, посмотрел, где рассредоточены танки, и в 12:00 зашел на Лубянку. Все были готовы к выполнению своих обязанностей.

Как только Берия отъехал в ЦК, как все его “шестерки” были приедеты в наручники и препровождены туда, где они измывались чаще всего над честными и порядочными советскими людьми.

Время потянулось так медленно, что злость и месть за погубленных Берией безвинных людей, убийство им И. В. Сталина, перерастало в мою дикую решительность — увидеть этого злодея... где же он, этот обезумевший от кровожадности двуногий зверь? Нестерпимо хотелось разрядить в его самоуверенный лоб весь магазин. И вот это момент, наконец, настал: открывается дверь, и он уже сделал шаг к столу... Коротко и сухо прозвучал выстрел. И Берия прирос, как столб к полу... глаза, как у разъяренного быка, налились кровью... но он стоит, не падает. Еще выстрел — вторая пуля — в пяти сантиметрах от первой во лбу. Я стрелял, едва вынув пистолет, прямо от кармана из штатного “ТТ”. Наконец ноги подкосились, он упал и начал в конвульсиях колотиться об пол кабинета, пропитанный кровью невинных русских людей, которых Берия расстреливал лично!.. И возмездие настигло его. Эти две пули из моего пистолета были не моими пулями. И он, Лаврентий Берия, никак не мог их миновать. Потому что это были неотвратимые пули судьбы» [7, с. 60–61].

Таким образом, И. В. Белый утверждает, что Л. П. Берия был убит не 26, а 27 июня 1953 г. в своем служебном кабинете в известном здании на Лубянке, тогда — площади Дзержинского.

Обратимся к документу под заголовком «Копия протокола допроса свидетельницы Р. Ф. Мелиховой от 7 сентября 1953 г.». Судя по нему, уже упоминавшаяся ранее Р. Ф. Мелихова дала следующие показания: «Мой муж И. М. Кедров служил в Иностранном отделе НКВД СССР, занимаясь вопросами разведывательной работы по странам Ближнего Запада — Германия, Австрия, Венгрия. Осенью 1938 г.

муж неожиданно для него был переведен с этой работы в систему ГУЛАГа (Главное управление лагерей НКВД СССР. — В. П.) и направлен на работу в один из лагерей в Ныроб (насколько помнится, без определенного назначения, на усмотрение администрации лагеря)» [2, с. 336]. На этом фрагменте остановимся подробнее. В 1938 г. Ныроб был центром одноименного района Пермской области, а в настоящее время это поселок городского типа Чердынского района Пермского края. Вблизи Ныроба находились исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ). Если И. М. Кедров действительно был направлен в один из ИТЛ «без определенного назначения, на усмотрение администрации лагеря», то это многозначительный факт. Так чекистское начальство обычно поступало со своими проштрафившимися сотрудниками, когда выгонять их из системы НКВД еще не хотели, но использовать на прежней должности уже явно не могли. В связи с этим нельзя исключить, что И. М. Кедров был переведен со своей должности в ИНО НКВД (Иностранный отдел Народного комиссариата внутренних дел СССР. — В. П.) из-за того, что и он сам, и его разведывательное отделение благополучно просмотрели подготовку Германией аншлюса Австрии, двух Чехословацких кризисов 1938 г. и захвата Судетской области.

Далее Р. Ф. Мелихова продолжала: «Муж дружил с сотрудником НКВД В. Голубевым (по существу, Голубев являлся членом нашей семьи; с 1935–1936 гг. Голубев жил с нами вместе). Голубев работал в КРО НКВД (Контрразведывательный отдел Народного комиссариата внутренних дел СССР. — В. П.), занимаясь вопросами контрразведки по тем же странам Ближнего Запада, которыми занимался мой муж. Голубев продолжал все время работать в контрразведке. Мне известно, что Голубев был принят Берия, который, очевидно, знал Голубева по семье бывшего председателя Зак[авказской] ЧК (Чрезвычайной комиссии. — В. П.) Могилевского (родная мать Голубева была второй женой Могилевского). Во всяком случае, Голубев был обласкан Берия и, несмотря на молодость (1913 года рождения), назначен на должность начальника отделения» [2, с. 336].

Итак, в свои всего 25 лет В. Голубев был «обласкан» Берией и занимал для такого молодого возраста очень неплохой пост; поэтому остается совершенно непонятным, какие соображения заставили Голубева вступить в сговор с И. Кедровым и принять участие в написании клеветы по адресу своего благодетеля.

Далее в показаниях Р. Ф. Мелиховой содержались такие сведения: «Мне известно, что с течением времени у моего мужа и у Голубева зародились подозрения в отношении Берия. Из отдельных реплик мужа и Голубева я поняла, что эти подозрения вызваны проводившейся Берия линией на разрушение нашей разведывательной сети в Германии. Муж говорил, что в случае войны с гитлеровской Германией там не останется ни одного нашего агента. На чем основывались эти выводы мужа, я не знаю. Кроме того, *недовольство и подозрения* (выделено мной. — В. П.) у мужа и Голубева вызвало и то, что после прихода Берия на должность народного комиссара внутренних дел ССР методы работы остались такими же, как и при Ежове» [2, с. 336]. То, что «методы работы остались такими же, как и при Ежове», конечно, могло вызвать недовольство. Но в чем могли заключаться «подозрения»? Здесь здравомыслящий человек мог бы говорить лишь о медленном изменении стиля работы. Кроме того, нельзя было исключать скрытого противодействия скрытых же «ежовцев» по преодолению стиля работы наркома Ежова.

Снова предоставим слово Р. Ф. Мелиховой:

«Мне известно также, что Берия вызывал к себе моего мужа и Голубева и между ними состоялся какой-то крупный неприятный разговор. Мой муж об этом разговоре ничего мне не сообщил, но Голубев сказал как-то, что Берия на него кричал, а Голубев ответил ему якобы: “Не кричите на меня. Вы такой же коммунист, как и я”, после чего вышел из кабинета, хлопнув дверью.

В начале февраля 1939 г. мой муж и Голубев были уволены из органов НКВД. Еще до своего увольнения муж и Голубев решили написать заявление в ЦК ВКП(б), высказав в этом заявлении *свои подозрения* (выделено мной. — В. П.) по поводу Берия. Они начали писать это заявление до увольнения из органов НКВД, но закончили его и отправили в ЦК уже после увольнения.

Заявление они писали, тщательно конспирируясь, печатали его на пишущей машинке сами.

Однажды, когда муж пошел мыться в ванну, я в кармане его гимнастерки обнаружила начало этого заявления. Оно было адресовано в ЦК ВКП(б) на имя товарища Сталина. Мне стало неудобно читать это заявление, и я делать этого не стала. Составляя заявление, муж и Голубев ходили к М. С. Кедрову советоваться. Вернувшись от М. С. Кедрова, Голубев рассказал мне, что у Кедрова *хранится какая-то тетрадка с записями, компрометирующими Берия; о содержании этих записей я ничего не знаю* (выделено мной. — В. П.).

Голубев обращался с просьбой к Батуриной — передать И. В. Сталину это заявление через знакомого ей руководящего работника, но она отказалась это сделать» [2, с. 336–337].

В двух последних цитатах говорится уже только о «подозрениях» Голубева и И. М. Кедрова в отношении Берии. Так что же было в их заявлении (либо заявлениях): «факты изменнических действий Берия в области подрыва советской разведки за границей» или одни только «подозрения»? Интересно также, как Батурина чисто технически могла бы передать упомянутое заявление Сталину, если она была «несколько лет прикованной к постели», о чем говорилось выше? Кроме того, если Кедров с Голубевым заявление «писали, тщательно конспирируясь, печатали его на пишущей машинке сами», то почему они так недальновидно хотели доверить некоему знакомому Батуриной данное заявление для последующей передачи И. В. Сталину? Откуда у них была уверенность, что этот знакомый отнесет их заявление именно Сталину, а не напрямую на стол наркома Берии? Здесь поведение Голубева и И. Кедрова выглядит нелогичным. Заметим также, что упомянутая Р. Ф. Мелиховой на допросе 7 сентября 1953 г. имевшаяся у М. С. Кедрова «какая-то тетрадка с записями» о якобы изменнических действиях Берии, в 1955 г. в деле Либенсона превратилась уже в «копии документов, писем и донесений из г. Баку периода 1921 г.» (см. об этом выше).

И снова свидетельствует Р. Ф. Мелихова: «Заявление, адресованное в ЦК ВКП(б), муж просил передать свою мать, старую коммунистку, члена партии с 1901 г. — Кедрову. Он просил сделать это максимально конспиративно, и Кедрова, взяв от Игоря заявление, спрятала его у себя на груди. Заявление, адресованное в ЦК ВКП(б) на имя товарища Сталина, должен был передать в экспедицию ЦК В. Голубев. Уйдя из дома для того, чтобы передать заявление, он задержался, и это вызвало у моего мужа крайнее беспокойство, — он считал, что Голубева убили» [2, с. 337]. Получается, что заявлений было два, а не одно.

Дело в отношении И. М. Кедрова, В. Голубева и «пенсии Батуриной» рассматривала Военная коллегия Верховного суда СССР, а отнюдь не особое совещание (или особая тройка) «кровавого Берии». Так где же была военная прокуратура? И почему судьи Военной коллегии Верховного суда СССР всем этим трем лицам вынесли обвинительный приговор, если изначально всем вокруг было так хорошо видно, что уголовное дело является лишь «террористической расправой» со стороны Берии?

Относительно небольшие эпизоды по «делу Берии и его сообщников», связанные с М. Кедровым, И. Кедровым, В. Голубевым и А. Батуриной, дали следствию в 1953 г. богатые возможности. Р. А. Руденко и его подчиненные без тени сомнений констатировали, что «Берия и его сообщники» изобрели новый и весьма интересный способ «террористических убийств» — путем возбуждения уголовного дела, длительного проведения предварительного следствия, а затем передачи материалов в суд для рассмотрения по существу. Весьма оригинальная методика совершения особо тяжкого преступления!

Итак, уголовное дело в отношении М. С. Кедрова из НКВД СССР было передано в Верховный Суд СССР, и Военная коллегия оправдала его. Все авторы демократического направления комментируют это примерно так: «Да здравствует наш суд, самый гуманный суд в мире!» И непременно говорят о том, что невинный и оправданный судом М. С. Кедров, конечно, по указанию Берии, впоследствии был расстрелян. Когда же уголовное дело в отношении И. Кедрова, В. Голубева и А. Батуриной из НКВД СССР было передано в Верховный Суд и та же самая Военная коллегия приговорила их к расстрелу, то такие авторы писали уже в совершенно ином, примерно следующем ключе: «Какой подлец и преступник этот Берия! Он уничтожил невинных людей!» Предлагаю читателям самим задуматься, почему подходы к двум приговорам одной и той же Военной коллегии Верховного Суда СССР так принципиально различаются.

Подведем итоги и постараемся реконструировать события вокруг двух заявлений И. Кедрова и В. Голубева. «Один из руководителей партии и государства» (назовем его условно «Товарищ N») узнал по своим каналам, что посещаемую им «пенсионерку Батурину» в другое время посещают чекисты И. М. Кедров и В. П. Голубев. Указанная пенсионерка помогает им писать заявление (т. е. донос) на Л. П. Берию. Один них просит Батурину, чтобы она, в свою очередь, попросила его, «Товарища N», передать это заявление И. В. Сталину. Иными словами, «Товарищ N» мог без особого труда прийти к выводу о том, что его руками пытаются всерьез стравить И. В. Сталина и наркома внутренних дел Берию. Данная интрига должна была развиваться на весьма неблагоприятном для СССР политическом фоне общеевропейского кризиса, связанного с событиями вокруг Чехословакии. Вместе с тем «Товарищ N» мог предположить и то, что вся эта затея с передачей заявления Сталину является изящной оперативной комбинацией молодых чекистов, направленной опять же на то, чтобы стравить между собой не Сталина и Берию, а Берию и самого «Товарища N».

И тогда этот «неустановленный руководитель», весьма вероятно, поспособствовал тому, чтобы Батурина не стала болтать о целях его посещений и «предательстве Берии». Отчего вся тройка за свои длинные языки, точнее длинные перья, попала под следствие.

Участие «Товарища N» просматривается, если сравнить даты ареста Батуриной и двух уже бывших чекистов. И. Кедрова и В. Голубева арестовали 20 февраля, а Батурину — только 9 марта. С весьма большой долей уверенности можно предположить, что после ареста И. Кедрова и В. Голубева дальнейшая судьба Батуриной в течение 18 дней решалась не без участия «Товарища N». Генеральному прокурору Руденко, очевидно, были даны особые указания о неупоминании имени последнего в ходе следствия по делу Берии. Как знать, не возмущался ли этот «Товарищ N» на Июльском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС «коварными происками Берии», причем гораздо сильнее других выступавших? И не был ли «Товарищ N» в гораздо большей степени, чем другие, заинтересован в том, чтобы любыми средствами отправить Лаврентия Павловича на политическую свалку?

Литература

1. Сухомлинов А. В. Кто вы, Лаврентий Берия? М.: Детектив-Пресс, 2003. 464 с.
2. Политбюро и дело Берия: сб. документов / под общ. ред. О. Б. Мозохина. М.: Кучково поле, 2012. 1088 с.
3. Рубин Н. Лаврентий Берия: миф и реальность. М.; Смоленск: Русич; Олимп, 1998. 488 с.
4. Кедров Бонифатий Михайлович // Большая советская энциклопедия: в 30 т. 3-е изд. Т. 12. М.: Издательство «Советская Энциклопедия», 1973. С. 14–15.
5. Кедров Бонифатий Михайлович // Большая российская энциклопедия: в 30 т. Т. 13. М.: Большая Российская энциклопедия, 2008. С. 502–503.
6. Переяслов Н. В. Тайна двух выстрелов. М.: ГАЛА ПРЕСС, 2002. 416 с.
7. Белый И. В. Заговор сатаны. Исповедь контрразведчика. М.: БАРС, 2005. 264 с.

Для цитирования: Петров В. В. Берия против пенсионерки Батуриной: комментарий к «делу Берии и бериевцев» // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2016. Вып. 4. С. 36–48.
DOI: 10.21638/11701/spbu14.2016.404

References

1. Sukhomlinov A. V. *Kto vy, Lavrentii Beriia?* [Who are You, Lavrenty Beriya?] Moscow, Detective-press, 2003. 464 p. (In Russian)
2. *Politbiuro i delo Beriia: sb. dokumentov* [Political Bureau and Case of Beriia. Collected documents]. Ed. by O. B. Mozokhina. Moscow, Kuchkovo field Publ., 2012. 1088 p. (In Russian)
3. Rubin N. *Lavrentii Beriia: mif i real'nost'* [Lavrenty Beriia: Myth and Reality]. Moscow, Smolensk, Rusich Publ., Olympus Publ., 1998. 488 p. (In Russian)
4. Kedrov Bonifatii Mikhailovich. *Bol'shaia Sovetskaia Entsiklopediia: v 30 t.* [Great Soviet Encyclopedia: in 30 vols.]. 3rd ed. Vol. 12. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1973, pp. 14–15. (In Russian)
5. Kedrov Bonifatii Mikhailovich. *Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia: v 30 t.* [Great Russian Encyclopedia: in 30 vols.]. Vol. 13. Moscow, Great Russian encyclopedia Publ., 2008, pp. 502–503. (In Russian)
6. Pereiaslov N. V. *Taina dvukh vystrel'ov* [Mystery of Two Shots]. Moscow, GALA-PRESS, 2002. 416 p. (In Russian)
7. Belyi I. V. *Zagovor satany. Ispoved' kontrrazvedchika* [Conspiracy of Satan. Testimony of Counterintelligence Agent]. Moscow, BARS Publ., 2005. 264 p. (In Russian)

For citation: Petrov V. V. Beria against pensioner Baturina: commentary to the “Case of Beriia and Beriia Associates”. *Vestnik SPbSU. Series 14. Law*, 2016, issue 4, pp. 36–48.
DOI: 10.21638/11701/spbu14.2016.404

Статья поступила в редакцию 27 февраля 2016 г.;
принята в печать 1 сентября 2016 г.